

38
15450. 4971

№ 21.

Ц. 5 коп.

БИБЛИОТЕКА ВОЙНЫ.

Θ. Шигулинскій.

А Х М Е Т К А.

Разсказъ раненаго прапорщика.

МОСКВА.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.

58
15750

130815

Ө. Шипулинскій.

АХМЕТКА.

Разсказъ раненаго прапорщика.

Типография К. Ф. Некрасова въ Ярославль.
1914.

А Х М Е Т К А.

— Лежа здѣсь, на этой чистенькой больничной койкѣ,—началь привезенный недавно въ Москву раненый прапорщикъ,—я не перестаю думать о нихъ, о своихъ солдатахъ, и стыдно признаться, но я увѣренъ, что встрѣча съ родными, которыхъ я уже выписалъ въ Москву, не заставитъ меня забыть о своемъ взводѣ. Я готовъ самымъ строгимъ образомъ исполнять всѣ предписанія врача только для того, чтобы поскорѣе опять быть вмѣстѣ съ ними.

Когда я впервые увидѣлъ ихъ, я съ любопытствомъ началъ разсматривать этихъ людей, съ которыми мнѣ суждено будетъ жить и, быть можетъ, вмѣстѣ умереть, судьба которыхъ въ значительной степени будетъ въ моихъ рукахъ.

Они тоже, замѣтно было, разсматривали меня, и неуловимо, ничѣмъ не нарушая команды «смирно!», все-таки ухитрились бесѣдовать въ строю между собою и

дѣлиться впечатлѣніями о своемъ новомъ взводномъ.

И странное дѣло, эти добродушныя лица съ широко раскрытыми глазами сразу показались мнѣ какими-то близкими, дорогими, родными. И потомъ это первое впечатлѣніе не переставало усиливаться. Я участвовалъ и въ китайскомъ походѣ, и въ японской войнѣ—и никогда мнѣ не приходилось видѣть такого отношенія со стороны солдатъ къ своимъ офицерамъ. Это отношеніе напоминало преданія Севастополя, когда солдаты называли своего начальника отцомъ, а генералы солдатъ своими «благодѣтелями».

Вообще, солдатъ у насъ теперь такой, какого не было раньше. Это—не сѣрое «пушечное мясо» Наполеона. Это—разумныя, сознательныя единицы, способныя соображать, ориентироваться, проявлять инициативу. Даже во внѣшнемъ складѣ ихъ замѣтна большая перемена, и, когда приходилось слышать, какъ солдатики окликали какого-нибудь рядового другой части: «Эй, товарищъ!» и вмѣсто «ты» обращались къ нему съ изысканнымъ «вы», чувствовалось, что они прошли школу, какой не могъ бы дать никакой «нѣмецкій учитель».

Среди нихъ мое особенное вниманіе обратилъ на себя правый фланговый съ широкимъ скуластымъ лицомъ, расплывшимся при видѣ меня въ радостную улыбку, словно очъ давно уже зналъ меня, былъ моимъ дру-

гомъ, и невѣсть, какъ обрадовался встрѣтивъ меня. Но дружбѣ этой суждено было только начаться.

Это былъ татаринъ Ахметка, который, несмотря на то, что былъ неграмотнымъ, скоро началъ пользоваться у насъ въ взводѣ большимъ авторитетомъ, такъ какъ онъ не такъ давно сравнительно былъ въ персидскомъ походѣ, и всѣ маленькія хитрости въ пути, чтобы избѣжать лишней усталости, и въ сражении, чтобы не тратить даромъ зарядовъ, были ему хорошо извѣстны. Даже мнѣ онъ часто подавалъ совѣты, которымъ мнѣ невольно приходилось слѣдовать, признавая ихъ справедливыми, и за которые я ему былъ очень благодаренъ. При этомъ онъ, успѣвъ уже отвыкнуть отъ дисциплины, часто по разсѣянности называлъ меня просто «баринѣмъ».

Когда намъ пришлось почти двое сутокъ идти по болоту, и я, не рискуя разуться, какъ дѣлали порой солдаты, простудился, онъ первый замѣтилъ, что я заболѣлъ въ походѣ:

— Беда, баринъ!—шепнулъ онъ мнѣ,—тебѣ лихорадка.

Во время перестрѣлки онъ почти всегда первый замѣчалъ выглядывающаго изъ-за пригорка непріятеля, прежде, чѣмъ я могъ разглядѣть его въ своемъ пенснѣ

съ плохо протертыми стеклами, и давалъ мнѣ инструкцію:

— Нѣмецъ голова показалъ. Прикажи, барынь: плы!

Эта команда «плы!» была ему особенно дорога, и онъ старался не пропустить для ея исполненія ни одного удобнаго случая.

Къ довершенію всего я засталъ разъ его надъ лежащимъ у меня планомъ мѣстности съ группою другихъ, грамотныхъ солдатъ. Они читали ему названія и указывали, гдѣ находятся холмы, гдѣ лѣсокъ, а онъ толково давалъ имъ объясненія относительно дальнѣйшей тактики всей дивизіи, и соображенія его были почти безошибочны.

Во время бивуаковъ я узналъ, что Ахметка послѣ службы былъ извозчикомъ: «кавалерья», какъ шутилъ онъ, и недавно женился.

Мысль о молодой женѣ и о томъ, что она теперь, быть можетъ, испытываетъ нужду, была единственнымъ, что могло вывести его изъ спокойно-веселаго настроенія, привести его въ уныніе, даже озлобленіе. И онъ простить не могъ виновнику страданій своей жены—нѣмцу:

— Увижу, баринъ, нѣмца, разсержусь!—предупреждалъ онъ.

Когда непріятельскій огонь работалъ особенно усиленно, и надъ нашими головами свистѣли ядра, онъ

чесалъ затылокъ, причмокивалъ губами, качалъ головой и ворчалъ:

— У-ухъ! разсержусь!

И разъ случай представился ему «разсердиться».

Пошелъ онъ въ лѣсокъ собирать валежникъ для котла. Отдѣлился отъ своихъ и натолкнулся на спрятавшегося въ кустахъ австрійскаго развѣдчика. У того въ рукахъ была винтовка. Ахметка шелъ съ голыми руками, но, увидѣвъ врага такъ близко, онъ «разсердился», и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, кинулся на него, повалилъ и началъ изо всѣхъ силъ тузить его кулаками.—Будѣшь намъ воевать?.. Ага!.. Будѣшь намъ воевать!—приговаривалъ онъ, переводя дыханіе.

Еле-еле австрійцу удалось вырваться и пуститься бѣжать къ спрятавшейся вблизи своей засадѣ, оставивъ въ рукахъ Ахметки свою винтовку, изъ которой тотъ даже попытался дѣлать ему въ догонку нѣсколько пуль, но уставшія руки, видимо, не могли сразу приобрести желаемую твердость, и выстрѣлы были безрезультатны.

Вернувшись со своимъ трофеемъ побѣды, Ахметка показалъ смѣющимся солдатикамъ свой огромный кулачище и пояснилъ:

— Бомбомъ билъ!

* * *

Намъ съ Ахметкой пришлось вмѣстѣ получить и боевое крещеніе. Два дня шли мы по болотистой мѣстности, подъ палящимъ солнцемъ, ежеминутно наталкиваясь на непріятельскія засады, на каждомъ шагѣ приходилось вступать въ сраженія и гнать передъ собой непріятеля. Эта послѣдняя работа, къ слову сказать, была не особенно трудной. Могу увѣрить васъ, что слухи о той готовности, съ какой австрійцы бросаютъ оружіе, обращаются въ бѣгство и сдаются въ плѣнъ, отнюдь не преувеличены.

Тяжелѣе гораздо были трудности самаго похода по болотамъ, жара, необходимость часто питаться только «щами», состоящими изъ воды и небольшого количества капусты, чаемъ, завареннымъ иногда, ради сбереженія времени, этими же самыми щами.

Къ концу третьяго дня пути мы натолкнулись на значительно превосходящій насъ количествомъ отрядъ непріятеля. Мы догадались, что это былъ передовой отрядъ тѣхъ самыхъ непріятельскихъ силъ, которыя наша дивизія должна была остановить и помѣшать имъ отрѣзать отъ насъ наши части, уже продвинувшіяся впередъ по направленію къ Львову. Надо было ждать

подкрѣпленія, которое могло прійти только къ утру. Намъ приказано было остановиться, и, выставивъ дозорную цѣпь, отдохнуть.

Ночью до нашего слуха донесся грохотъ колесъ, ржаніе лошадей, топотъ передвигающихся войскъ.

Я направился къ группѣ штабъ-офицеровъ, тоже встревоженныхъ этимъ шумомъ и соображавшихъ, что онъ можетъ знаменовать; такъ какъ не было видно, чтобы непріятель переходилъ въ наступленіе, рѣшено было, что онъ снимается и отходить на заднія позиціи.

Вернувшись къ своему взводу, я подѣлился этими соображеніями съ солдатами, съ нетерпѣніемъ ожидавшими моего возвращенія. Только на Ахметку это извѣстіе не произвело успокаивающаго дѣйствія. Онъ нахмурилъ свои тонкія брови и озабоченно покачалъ головой:

— Нѣтъ, баринъ, не туды, суды идетъ!—замѣтилъ онъ.

И дѣйствительно, его тонкій слухъ не обманулъ его. На утро, съ первыми отблесками зари, мы замѣтили, что австріицы не тронулись съ мѣста, и что къ нимъ подошли большія подкрѣпленія нѣмцевъ съ артиллеріей.

Прежде, чѣмъ мы успѣли разобраться въ создав-

шемся положении, на насъ посыпались градомъ шрапнели.

Отступать было поздно. Дождавшись подъ убійственнымъ огнемъ подкрѣпленія, ударившаго на враговъ съ фланга, мы перешли въ атаку.

Сплошною массою двинулись мы впередъ. Слышно было, что передовые ряды уже перешли въ рукопашную, что линия непріятеля стала подаваться.

Скоро и мнѣ съ моимъ взводомъ приходилось перейти на линію боя. Въ это время гдѣ-то вблизи меня раздался трескъ, что-то съ силою ударило меня въ ногу, и я лишился сознанія.

Пролежалъ я такъ, вѣроятно, недолго. Когда очнулся, я увидѣлъ, что лежу далеко позади нашихъ войскъ, и вижу только ихъ тылъ въ разстояніи верстъ двухъ впереди, напирающихъ на противника подъ непрекращающимся огнемъ австрійской артиллеріи.

Нога мучительно ныла и горѣла, словно съ нея была содрана кожа. Губы запеклись отъ жара. Несмотря на невыносимо палящее солнце, въ тѣлѣ чувствовался ознобъ. Съ трудомъ поднялся я и почувствовалъ, что могу еще кое-какъ идти, но бѣжать, чтобы догнать своихъ, былъ уже не въ силахъ.

Мимо меня на неосѣдланной лошади проскакалъ пѣхотный штабсъ-капитанъ. Онъ какимъ-то образомъ от-

сталъ, и теперь, схвативъ первую попавшуюся лошадь, догонялъ свою часть. На-лету онъ успѣлъ разспросить меня относительно того, гдѣ можетъ теперь находиться его часть, и направился въ указанномъ мною направленіи. Я слѣдилъ за нимъ и видѣлъ, какъ ему приходилось гнать коня по полянѣ, подвергающейся особенно сильному обстрѣлу непріятельскихъ снарядовъ, какъ онъ вдругъ взмахнулъ обѣими руками, качнулся назадъ и сразу свалился лицомъ внизъ на землю съ лошади, которая пробѣжала еще немного и стала.

Я снова легъ. Въ это время внимание мое было обращено въ другую сторону. У насъ на правомъ флангѣ слышны были крики ликованія, и лѣвый флангъ непріятели, видно было, обратился въ безпорядочное бѣгство. Тогда изъ пограничной деревушки, расположенной въ сторонѣ, выбѣжало нѣсколько человѣкъ австрійцевъ съ офицеромъ во главѣ и пустились вдогонку за своими.

Вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня раздался ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Австрійскій офицеръ упалъ, будто споткнулся. Упалъ одинъ изъ солдатъ. Остальные скрылись въ небольшой рощицѣ, протянувшейся къ западу отъ деревушки.

Я оглянулся и увидѣлъ почти рядомъ съ собой

вырисовывающуюся из лоцинки голову Ахметки. Въ рукахъ у него была винтовка.

Я окликнулъ его, и онъ подползъ ко мнѣ. Оказалось, что у него осколкомъ снаряда вырванъ кусокъ мяса на ногѣ, и онъ также былъ въ безпамятствѣ. Но уже успѣлъ прийти въ себя и съ ловкостью опытнаго вояки обрѣзалъ по колѣно штаны на раненой ногѣ, кальсоны, и обрѣзками ихъ забинтовалъ самъ себѣ рану.

Больше раненыхъ вокругъ насъ не было. Были только убитые.

Устроивъ маленькій военный совѣтъ, мы признали, что ни онъ, ни я, не можемъ итти за своими. Но оставаться на полѣ было нелѣпо. И мы рѣшили собрать всѣ силы, чтобы пробраться въ деревушку, изъ которой только что выбѣжали подстрѣленные Ахметкой австрійцы.

Подобравъ валявшуюся винтовку убитаго и опираясь на нее, какъ на посохъ, я пошелъ вмѣстѣ съ Ахметкой къ деревнѣ. Какъ нищие-калѣки, тащились мы, прихрамывая, еле передвигая больныя ноги, изнемогая отъ жажды и жары.

Въ деревнѣ было пусто. Не зная, можно было угадать, что здѣсь побывали австрійцы. Двери въ хатахъ были настежь, и ни въ одной нельзя было найти ни

соринки хлѣба, ни огурца. Провизія, это—трофей, который особенно охотно уносятъ австрійцы.

Въ самомъ концѣ деревни тонкій слухъ Ахметки уловилъ нѣчто, похожее на стонъ. Направившись туда, откуда этотъ стонъ доносился, мы дѣйствительно нашли старуху, сидящую на завалинкѣ избы, съ руками на колѣняхъ, съ глазами, обращенными къ небу, шептавшую блѣдными губами молитву, напоминающую стонъ умирающаго.

Она говорила только по-польски, а мы съ Ахметкой совершенно не владѣли этимъ языкомъ. Но все-таки съ помощью общеславянскихъ корней намъ удалось узнать, что австрійцы нагрянули на деревню внезапно. Всѣ разбѣжались, позабывъ о старухѣ, которая изъ страха или изъ хитрости притаилась гдѣ-то подъ овиномъ и осталась незамѣченной врагами. Вылѣзла она изъ своего пристанища, пробывъ тамъ двое сутокъ безъ пищи и воды, только тогда, когда убѣдилась, что непріятель ушелъ.

Накормить старуху и у насъ было нечѣмъ. Но она, родившаяся въ этой мѣстности и прожившая въ ней всю свою жизнь, могла сыграть для насъ роль «бойскоута» и указать намъ, куда слѣдуетъ идти, и гдѣ есть надежда найти казаковъ.

Къ сожалѣнію, она оказалась еще слабѣ насъ, раненыхъ, и мы вынуждены были взять ее съ двухъ сторонъ подъ руки и такимъ образомъ двинуться въ указанномъ ею направленіи.

Она не ошиблась, и приблизительно черезъ часъ пути, успѣвъ освѣжиться водой изъ какой-то мелководной рѣчки, мы увидѣли впереди себя группу казаковъ на коняхъ.

Меня смутило только, что на нихъ всѣхъ были бѣлые рейтузы, плотно облегавшіе ноги, какъ у кавалеристовъ. Ужъ не натолкнулись ли мы на австрійскую кавалерію въ какой-то, еще невиданной мною формѣ. Я подѣлился своими опасеніями съ Ахметкой. Но онъ только засмѣялся въ отвѣтъ:

— Нѣма рейтузы, штаны снималь,—пояснилъ онъ.

И дѣйствительно, оказалось, что казаки наши чувствовали себя здѣсь, на войнѣ, какъ дома, въ собственномъ куренѣ, и въ виду невыносимой сорокаградусной жары снимали съ себя все, кромѣ рубахъ, тужурокъ, винтовокъ и пикъ. Въ этомъ облаченіи они чувствовали себя очень легко, и нерѣдко въ такомъ видѣ бросались въ атаку, наводя ужасъ на обезсиленныхъ жарою враговъ.

Настроеніе наше замѣтно измѣнилось, и Ахметка не переставалъ подтрунивать надъ нашей дамой, без-

престанно вздрагивающей при каждомъ звукѣ отдаленнаго залпа или свиста пролетавшихъ порой надъ нами ядеръ. Его веселость заразила и меня. И я тоже пошутилъ надъ старушкой:

— Погибнемъ мы, бабушка, во цвѣтѣ лѣтъ!

Это выраженіе Ахметка слыхалъ, повидимому, въ первый разъ. Оно ему очень понравилось, и онъ положительно заливался, повторяя:

— Пропаль бабушка цвѣтѣ лѣтъ!

При видѣ нашихъ смѣющихся лицъ старушка въ концѣ-концовъ не выдержала и тоже залилась мелкимъ чуть слышнымъ старческимъ смѣхомъ.

Представьте себѣ изумленіе казаковъ, когда они увидѣли предъ собой такую картину. По дорогѣ, покрытою пылью, обливаясь потомъ, идутъ, хромая, офицеръ и солдатъ и ведутъ подъ руки съ двухъ сторонъ старушку. И всѣ трое неудержимо смѣются.

Неудивительно, что и казаки, окруживъ насъ, долго не могли прійти въ себя отъ смѣха прежде, чѣмъ начали разспрашивать насъ, кто мы и откуда.

Ихъ полкъ, расположенный въ ближайшей деревнѣ, выступалъ въ походъ, командиръ былъ очень благодаренъ намъ за доставленныя ему свѣдѣнія о состояніи дороги, по которой ему придется идти.

Старушку мы оставили въ избѣ у еврея, накормив-

шаго насъ яйцами и—верхъ роскоши—курицей, которую, за отсутствиемъ покупателей, мѣстные жители лакомятся не только въ субботу, но и въ будни.

Достали гдѣ-то телѣгу и отправили насъ съ Ахметкой въ ближайшій лазаретъ, изъ котораго меня эвакуировали въ Москву, а Ахметку въ какой-то провинціальнѣй городъ.

Разставаясь со мной, Ахметка долго цѣловалъ меня въ руку, въ губы, въ голову, ласково гладилъ меня по плечу, чему-то улыбался дѣтски, счастливо и просилъ, чтобы я написалъ ему, гдѣ буду находиться, какъ буду себя чувствовать и когда отправляюсь снова въ армию.

Въ лазаретѣ врачъ по секрету предупредилъ меня, что Ахметкѣ, вѣроятно, придется ампутировать раненую ногу.

ВОЙНА 1914 ГОДА.

(Лѣтопись событій до 26 июля).

ВЫПУСКЪ I-й. Цѣна 25 коп.

36436

50
15750

БИБЛИОТЕКА ВОЙНЫ.

1. П. Критскій. Изъ-за чего началась война.
2. С. Карповъ. Эльзась-Лотарингя.
3. П. Критскій. Когда и за что мы воевали съ нѣмцами.
4. Н. Новинскій. Ледовое побоище. Сражение съ нѣмцами въ 1242 г.
5. Разказы нашихъ раненыхъ о послѣднихъ сраженяхъ съ нѣмцами.
- 6—7. А. З. Современные варвары.
- 8—9. М. Богдановичъ. Червонная Русь (Австрійские Украинцы)
10. А. З. Трагедія Габсбургскаго дома.
12. Пѣсни Балканскихъ славянъ. Сербія.
13. П. Критскій. Взятіе Львова.
- 14—15. Бар. В. Энгельгардтъ. Германскія колонні и чѣмъ грозитъ Германіи ихъ утрата.
16. Верховныя главы государствъ, находящихся въ войнѣ.
17. Ю. Соболевъ. Бельгія.
18. С. Карповъ. Болгарія и послѣднія балканскія войны.
19. А. Додэ. Ребенокъ-шпюнъ.
20. Гюи-де-Мопассанъ. Два пріятели.
21. Э. Шинулинскій. Ахметка (разказъ раненаго прапорщика).
- 22—23. Михайловъ. Франко-прусская война 1870—71 г.
24. А. Додэ. Партія на билліардѣ.
25. В. Погосскій. Что такое право войны и какъ нѣмцы его нарушаютъ.
26. А. Стриндбергъ. Муки совѣсти.
27. П. Мериме. Взятіе редута.

ЦѢНА КАЖДАГО № 5 коп.

Съ требованіями обращаться: Книжный складъ К. Ф. НЕКРАСОВА
МОСКВА, Петровка, д. 25, кв. 27. Тел. 3. 38-45. ПЕТРОГРАДЪ, Гре-
ческій пр., 15, кв. 41.